

Набилкина Лариса Николаевна

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории, практики
и методики преподавания английского языка
Арзамасского филиала
Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского

ОБРАЗ ГОРОДА В МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация:

В статье рассматриваются два подхода к изображению города: гуманистический и отчужденный. Автор обращается к творчеству Ф.С. Фицджеральда, Г. Миллера, Д. Дос Пассоса и других, доказывая, что литературный компонент является одним из важнейших составляющих формирования культурологического образа города.

Ключевые слова:

двойное видение, стиль отчуждения, гуманистический подход, литературный компонент, национальный характер.

Nabilkina Larisa Nikolayevna

PhD in Philology,
Assistant Professor,
Head of the Theory, Practice and Techniques of
Teaching English Chair,
Arzamas branch of
the Nizhny Novgorod State University

THE IMAGE OF A CITY IN WORLD LITERATURE

Summary:

The article reviews two approaches to the description of a city: humanistic and alienated. The author turns to the works of F.S. Fitzgerald, H. Miller, D. Dos Passos and others, demonstrating that the literary component is one of the major parts in creating of the cultural image of the city.

Keywords:

double vision, humanistic approach, alienation, literary component, national character.

Город возник вместе с потребительским обществом, когда человек перестал довольствоваться необходимым и стал приобретать излишнее. Человек, владеющий каким-либо имуществом, должен был защитить себя и свое достояние от посягательства внешнего врага. Таким образом, основная функция города была защитной. Постепенно вокруг него стало складываться предместье, состоящее из сельских жителей, которые всегда могли укрыться от врага за крепкими крепостными стенами. Непременной частью города был рынок, куда горожане и сельские жители свозили излишки своей продукции.

Вначале город нес сугубо положительную функцию. Он защищал, в нем было гораздо спокойнее и безопаснее жить, он давал возможность жителям (не только горожанам) сбывать свою продукцию. Демократия – власть народа – зародилась как раз в городах. С течением времени в них стала формироваться городская среда, свой образ жизни, отличающийся от жизни сельских жителей. Особенностью городского уклада стало обилие свободного времени, что привело к расцвету науки и искусства, в целом, культуры. Однако постепенно проявлялись и негативные черты проживания в городе. Распад семейных и дружеских связей, растущее отчуждение людей, поклонение «золотому тельцу» – стали характерными чертами для больших и в определенной степени малых городов. Трагедия «маленького человека» в большом городе стала неотъемлемой частью мировой литературы.

Город всегда привлекал внимание мыслителей, писателей и поэтов. Аристотель и Платон были первыми исследователями городской среды. Позднее о городе писали Т. Мор и Т. Кампанелла. Интересно отметить, что в эпоху Ренессанса люди задумались об «идеальном городе», и их утопические идеи воплотились в книгах мудрейших из них. К сожалению, с течением времени город стал связываться с мрачными прогнозами. Его образ постепенно приобрел негативные, апокалиптические черты. Сложилось два подхода к изображению города – гуманистический и дегуманизированный, отчужденный. Если при первом мир видится художнику светлым с преобладанием теплых тонов, радостным и оптимистичным, то при втором – мрачным, холодным и враждебным. Первый подход мы встречаем у писателей, восприятие которых пронизано духом оптимизма, уверенностью в будущем. Второй появился в конце XIX – начале XX в., когда человечество начало терять свой оптимизм, а отдельный индивид стал погружаться в самоизоляцию, одиночество, мрачное уныние.

В 1895 г. бельгийский поэт Эмиль Верхарн выпустил поэтический сборник «Города-спруты», в котором нарисовал зловещую картину европейских городов, которые как щупальца спрута обволакивают человека и утаскивают его в бездну. Приблизительно в это же время русский писатель Андрей Белый заканчивает первое издание романа «Петербург», в котором пе-

ред читателем восстает отталкивающий образ одного из самых прекрасных городов мира – Северной Венеции.

Следует сказать, что тема «маленького человека в большом городе» волновала русских художников слова еще со времен Пушкина и Гоголя. Судьбы Евгения и Акакия Акакиевича в чем-то удивительно схожи. Их трагедия происходит на улицах Петербурга, безопасного европейского города, но таящего под блестящей оболочкой скрытой угрозы. Как не парадоксально, но в нашей отечественной литературе сложился скорее негативный, чем позитивный образ города, и это касается не одного Петербурга.

Никто не воспел Санкт-Петербург с такой поэтичностью, с таким вдохновением, как Пушкин. Он первым показал, как губит все надежды и чаяния молодого человека это «Петра творенье». То же происходит и с Москвой. Этот красивейший город Земли в произведениях писателей превращается в зловещую старуху, в скопище самых зловредных сил, в обитель страха. Такой образ мы видим в романах Белого, Булгакова, Алексея Толстого, Ямпольского. Только в произведениях Ивана Шмелева мы видим радостный, оптимистический образ Москвы. Нечто подобное происходит и с другими городами-мегаполисами. Особенно с Нью-Йорком. В романах Генри Миллера этот город особенно отвратителен.

Дегуманизированный образ Нью-Йорка мы впервые встречаем в памфлете Максима Горького «Город Желтого Дьявола» (1906) [1]. Этот образ положил начало стилю отчуждения, который столь успешно применяли многие ведущие писатели современности. Отчужденный образ города возник вовсе не от антиамериканизма Горького. Письма писателя свидетельствуют как раз об обратном – от того, что Горький создавал в то время роман «Мать» – воплощение социалистического реализма. Создавая образ самого «капиталистического» города Америки, великий пролетарский писатель искал пути «отчуждения» человека от капиталистического строя и в представлении Нью-Йорка гениально выразил свои художественные находки. Так описание «рабочей слободки» и «города желтого дьявола» стилистически и образно очень схожи.

Трудно сказать, знакомы ли были с творчеством Горького американские писатели Ф.С. Фицджеральд, Д. Дос Пассос и Г. Миллер (хотя они могли познакомиться с «мягким» вариантом «Города Желтого Дьявола» – «Городом Мамоны» на английском языке в журнале «Эппэлтон»), но в их произведениях также присутствует отчужденный образ Нью-Йорка.

В романе «Великий Гэтсби» Фицджеральд сравнивает Нью-Йорк первоначально с «зеленым лоном нового мира», открывшимся перед взором голландских моряков, а затем с «Долиной шлака», в которой копошатся маленькие человечки, сделанные из угольной пыли. Наиболее угрюмый образ города представлен в сцене с пьяной женщиной в бриллиантах, лежащей на носилках [2]. Нью-Йорк – город, где разбиваются иллюзии и ломаются людские судьбы. Эту тему продолжает и Дос Пассос. Его «город больших возможностей» превращается в ловушку для человека. Его роман «Манхэттен» раскрывает нам обман и прозрачные надежды его жителей. Как синий океан издали кажется прозрачным и красивым, а вблизи весь покрыт апельсиновыми корками и ящиками, так и город привлекает и обманывает своих обитателей запахом хереса и дорогих сигар, а на деле оборачивается затхлой вонью дешевых китайских прачечных и смрадом гниющих отбросов [3].

Почему же цветущий город превращается в «Долину шлака» и кучу гниющих отбросов? Ведь до Великой депрессии еще далеко и эпоха джаза в самом расцвете. Дело в том, что писатели обостренно чувствовали атмосферу тревоги, охватывающую этот еще вполне благополучный мир. Еще в конце XIX в. столпы американизма объявили об избранности американского общества. Этот постулат соответствовал теории «Града на холме», укладывався в концепцию отцов-основателей пуритан, в заявление Джона Уинтропа, сделанного на борту «Арабеллы» о том, что весь мир будет взирать на Новый Свет с верой и надеждой и стремиться туда, чтобы обрести новый Эдем. Была разработана теория «исключительности», согласно которой Новый Свет лишен пороков Старого, в нем нет и не может быть несчастных и страдающих, его составляют лишь счастливые люди, с оптимизмом смотрящие в будущее. Американские города – счастливые города, а Нью-Йорк – самый счастливый город из счастливейших.

Стиль отчуждения, к которому прибегает Фицджеральд в ряде своих произведений, говорит об утрате иллюзий, которые столь свойственны молодости. У писателя эта утрата особенно зримо проявляется и в образе Нью-Йорка и других городов Америки и судьбе людей, связавших с ними жизнь. Наряду с романом «Великий Гэтсби», повестью «Первое мая» отчужденный образ Нью-Йорка особенно ярко представлен в сборнике эссе «Крушение». Но если в «Отзвуках века джаза» до предела звучат нотки пессимизма и упадничества, то «Мой невозвратный город» напоминает «Праздник, который всегда с тобой» Хемингуэя, наполненный легкой грустью о невозвратном прошлом [4]. Это рассказ о Нью-Йорке, которого нет и никогда не будет. Все же писатель полюбил этот «невозвратный город» с его безалаберностью и строгостью, со всем без-

рассудством молодости и умудренностью зрелых лет. Фицджеральд покидал Нью-Йорк и возвращался туда, с каждым разом становясь для него родней и ближе. В творчестве Фицджеральда образ этого города отличается двойственностью, амбивалентностью. В изображении Нью-Йорка как нигде проявилось «двойное видение» (double vision) писателя, принесшее ему мировую славу.

В отличие от Фицджеральда, который приезжал в Нью-Йорк время от времени, Генри Миллер родился в этом городе. Вначале Нью-Йорк нравился будущему писателю. Он любил бродить по его улицам и складывать впечатления «на дно памяти». В 1930 г. он уезжает из Нью-Йорка в Париж, где и пишет свою знаменитую трилогию «Тропик Рака» (1931), «Черная весна» (1935) и «Тропик Козерога» (1939). В ней автор предстает образ городов. Если «Тропик Рака» посвящен Парижу, то «Тропик Козерога» – Нью-Йорку. Если Париж нравится Миллеру «местами», то Нью-Йорк ненавистен писателю тотально, так же как и вся Америка. Однако и себя автор любит не больше. Миллер ощущает себя единственным бунтарем в этой стране иллюзорного счастья, богатства и преуспеяния, который жаждет увидеть Америку поверженной в прах. Он начинает свой «душевный стриптиз», выворачивая себя наизнанку, не зная чувства меры в своем саморазоблачении (self-disclosure). Миллер стремится до предела развенчать человека, доказать, что тот не способен на возвышенные чувства, что эгоизм – единственное, движимое его душой и поступками. Он противен сам себе и хочет внушить чувство омерзения и всему обществу.

Что это? очередной эпатаж, маска, за которой скрывается боль за все человечество или такова действительная позиция писателя? Вопрос остается без ответа.

Еще один образ Нью-Йорка мы обнаруживаем в творчестве Д. Дос Пассоса. Джон Дос Пассос вошел в американскую литературу как художник с полным набором самых разнообразных качеств – экспериментатор, символист, модернист, коммунист, революционер, близкий друг Советского Союза – в журнале «Знамя» в двух номерах за 1933 г. был помещен материал дискуссии «Дос Пассос и советская литература», в которой с жаром приняли участие ведущие советские литераторы и партийные функционеры от искусства.

1925 г. был очень плодотворным для американской литературы. В его период мир увидел три великих романа, посвященных Америке: «Американскую трагедию» Теодора Драйзера, «Великого Гэтсби» Скотта Фицджеральда и «Манхэттен» Джона Дос Пассоса. Все они по-своему рассказали о своей стране и времени, в котором они жили. Но, вывод, к которому пришли писатели, был один: в великой стране, в стране «больших возможностей», в стране «великой Американской мечты» счастье – очень редкая вещь и счастливые люди не меньшая редкость.

Все три романа повествуют о судьбе героев в американских городах: «Американская трагедия» – в глубинке, «Великий Гэтсби» – на окраине Нью-Йорка в Лонг Айленде, «Манхэттен» – в деловой части Нью-Йорка, в его сердце.

Манхэттен – обманчивый город. Он привлекает своим динамизмом, своими кажущимися возможностями, своей атмосферой свободы и губит тех, кто поверил его иллюзиям, его «большим возможностям». Это город для избранных. Многие стремятся уехать из Нью-Йорка, подальше от его небоскребов и дышащих вонью улиц. Некоторым это удается, некоторым – нет.

Дос Пассос создает удивительно насыщенный, калейдоскопический образ «большого города». Несмотря на то, что роман не понравился некоторым писателям, в частности Э. Синклеру, «Манхэттен» явился новым словом в американской литературе. Кинематографические находки были ярки и оригинальны и нашли продолжение в его последующем творчестве: киноглаз, камера-обскура, монтаж. Именно экспериментальная форма романов Дос Пассоса вызвала творческую дискуссию в СССР.

Таким образом мы видим, что культурологический образ города складывается из множества компонентов. Литературный компонент является одним из важнейших, связывающих эти аспекты воедино. Он позволяет представить национальный характер, образ жизни, городскую среду и «душу» города. Мастера художественной литературы – именно те «визионеры», которые проведут читателя по всем заповедным уголкам города, заставят запомнить и полюбить каждый из них.

Ссылки:

1. Горький А.М. Собрание сочинений в 30 т. М., 1954. Т. 8.
2. Фицджеральд Ф.С. Собрание сочинений в 3 т. М., 1996. Т. 3.
3. Хемингуэй Э. Собрание сочинений в 3 т. М., 2000. Т. 2.
4. Миллер Г. Тропик рака. СПб., 2001.

References:

1. Gorkiy, AM 1954, *Works in 30 vols.*, Moscow, vol. 8.
2. Fitzgerald, FS 1996, *Works in 3 vols.*, Moscow, vol. 3.
3. Hemingway, E 2000, *Collected works in 3 vols.*, Moscow, vol. 2.
4. Miller, G 2001, *Tropic of Cancer*, St. Petersburg.